

- Роберт ГОВАРД

- 1
 - 2
 - 3
-

Роберт ГОВАРД

БАССЕЙН ЧЕРНЫХ ДЬЯВОЛОВ

*На Запад, не изведавший людей, Стремились корабли с начала мира
Прочти, коль смел, слова слепца Скелоса — Он их писал, а мертвцы его
за плащ хватали Холодными руками; Прочти о кораблях, что шли
сквозь ураган и тьму И не вернулись.*

Конан продолжает идти по своему пути через южные равнины черных королевств. Здесь его знают давно, и Амре Льву нетрудно добраться до берега, который он опустошал в прежние дни вместе с Белит. Но Белит ныне — лишь память на Черном Побережье. Кораблем, который в конце концов появляется в виду берега, где Конан сидит и точит свой меч, управляют пираты с Островов Бараша, что лежат к юго-западу от Зингары. Они тоже слыхали о Конане и готовы приветствовать его меч и опыт.

Когда Конан присоединяется к барацким пиратам, ему уже за тридцать. Он долгое время остается с пиратами. Однако Конану, который знаком с хорошо организованными армиями гиборейских королей, банды баращцев кажутся слишком слабо организованными, чтобы можно было добиться лидерства и связанных с этим выгод. Попав в исключительно трудную ситуацию на пиратской встрече в Тортадже, Конан обнаруживает, что выбор у него невелик: либо ему перережут глотку, либо ему придется пуститься в плавание по Западному Океану. Это последнее он и осуществляет с потрясающей сноровкой и уверенностью в себе.

Санча, родом из Кордавы, изысканно зевнула, роскошно вытянула свои стройные ноги и поудобнее устроилась на отороченном мехом горностая шелковом покрывале, постеленном на кормовой палубе каракки. Она лениво сознавала, что вся команда, от носа и до кормы судна, наблюдает за ней с горячим интересом — так же как она сознавала, что ее короткое шелковое платье не слишком скрывает очертания ее великолепного тела от их жадных взоров. Девушка дерзко улыбнулась и приготовилась урвать еще несколько минуток, прежде чем солнце, золотой диск которого только начал подниматься над океаном, станет слепить глаза.

Но в этот миг ее слуха достиг звук, не похожий ни на скрип снастей и шпангоута, ни на плеск волн. Девушка поднялась и села, устремив взгляд на бортик, через который, к ее превеликому удивлению, перебрался человек, с которого капала вода. Ее темные глаза широко открылись, яркие губы образовали изумленное «О». Человек, который так грубо нарушил ее покой, был ей незнаком. Вода струилась ручьями по его широким плечам и мощным рукам. Его единственная одежда — алые шелковые шаровары — промокла насквозь, так же как его широкий расшитый золотом пояс. Вода капала с меча, висевшего в ножнах на поясе. Лучи восходящего солнца превратили стоящего у бортика незнакомца в бронзовую статую. Он запустил пальцы в мокрую гриву черных волос. Взгляд незнакомца упал на девушку, и его синие глаза загорелись.

— Кто ты такой? — требовательно спросила она. — Откуда ты взялся?

Он махнул рукой в сторону моря, указывая по меньшей мере румб компаса, а взгляд его не отрывался отстройной фигурки девушки.

— Ты что, морской человек и живешь прямо в море? — спросила она. Нескрываемое восхищение в его глазах привело Санчу в замешательство, хотя она и привыкла к поклонению.

Прежде чем он успел ответить, раздался звук быстрых шагов, и появившийся владелец каракки сердито уставился на незнакомца. Пальцы его сжимали рукоять меча.

— Эй, ты, кто ты такой, черт тебя побери?! — спросил он тоном, далеким от дружелюбия.

— Я Конан, — ответил тот, ничуть не взволнованный.

Санча заново навострила уши. Она никогда не слыхала, чтобы зингаранец говорил с таким акцентом, как разговаривал этот человек.

— И как ты попал на борт моего корабля? — голос владельца был полон подозрения.

— Приплыл.

— Приплыл! — возопил владелец. — Ты смеешься надо мной, пес! Мы далеко за пределами видимости берега. Так откуда ты взялся?

Конан махнул могучей загорелой рукой на восток, окутанный золотистым сиянием поднимающегося солнца.

— С Островов.

— Ах вот как! — собеседник посмотрел на него с возросшим интересом. Черные брови опустились ниже, нависли над хмурыми глазами. Узкие губы искривились в неприятной усмешке.

— Значит, ты один из этих барашских псов.

Легкая ухмылка коснулась губ Конана.

— А тебе известно, кто я такой? — требовательно спросил владелец корабля.

— Корабль зовется «Негодяй», стало быть, ты — Запораво.

— Ага.

Угрюмое самолюбие капитана было затронуто тем, знает ли Конан его имя. Капитан был высоким человеком, одного роста с Конаном, хотя не такого могучего телосложения. Обрамленное стальным шишаком лицо было темным, мрачным, ястребоподобным — люди прозвали этого человека Ястреб. Его одежда и оружие были богатыми и щедро украшенными, как водится у зингаранской знати. Рука капитана все время лежала на рукояти меча.

В его взгляде, устремленном на Конана, было мало приязни. Между зингаранскими отступниками и отщепенцами, которые селились на Островах Бараша, что лежат к юго-западу от Зингары, отношения были не из лучших. Барашские пираты были преимущественно моряками из Аргоса, с добавкой небольшого количества представителей других народов. Они совершали набеги на торговые корабли и прибрежные города Зингары. Точно так же вели себя зингаранские букиньеры, но они облагораживали свое занятие, называя себя вольными моряками, и презирали барашских пиратов. Они были не первыми и не последними из людей, кто пытался позолотить имя вора.

Некоторые из этих мыслей промелькнули в уме Запораво, пока он поигрывал рукоятью меча и хмуро разглядывал непрошеного гостя. Конан не подавал вида, о чем думает он сам. Он стоял со скрещенными на груди руками столь же спокойно, как на палубе собственного корабля; на губах его играла улыбка, а взгляд был лишен и тени тревоги.

— Что тебе нужно здесь? — резко спросил вольный моряк.

— Вчера ночью я почувствовал необходимость покинуть встречу в Тортадже до того, как взойдет луна, — ответил Конан. — Я отплыл в дырявой лодке, и всю ночь греб и вычерпывал воду. На рассвете я увидел ваши паруса и бросил несчастную лоханку, потому что вплавь я мог добраться быстрее.

— В этих водах полно акул, — проворчал Запораво, и почувствовал смутное раздражение, когда в ответ Конан только пожал могучими плечами. С нижней палубы таращилось множество любопытных лиц. Одно только слово — и они бросятся на незваного гостя с мечами в руках, как ураган, и сметут даже такого умелого бойца, каким выглядел незнакомец.

— С какой стати я должен сажать себе на шею каждого безымянного бродягу, которого выбросит море? — буркнул Запораво. Его вид и поведение были еще более вызывающими, чем слова.

— На корабле всегда пригодится хороший моряк, — ответил Конан, не обижаясь.

Запораво нахмурился, понимая, что тот говорит правду. Он поддался нерешительности, в результате чего потерял свой корабль, свою команду, свою девушку и свою жизнь. Но, разумеется, он не мог предвидеть будущее, и для него Конан был всего лишь еще одним негодяем, «выброшенным морем», как он выразился. Конан ему не понравился; однако ничего худого незнакомец ему не сделал. Поведение его не было вызывающим, хотя и более свободным, чем ему бы понравилось.

— Будешь работать за свое содержание, — рявкнул Ястреб. — Проваливай вниз. И помни: единственный закон здесь — моя воля.

Плотно сжатые губы Конана разошлись в улыбке. Без колебаний, но и без излишней спешки он повернулся и спустился на палубу. Он больше не глянул на Санчу, которая жадно наблюдала за коротким разговором, вся обратившись

в зрение и слух.

Когда он спустился на палубу, команда собралась вокруг него — все зингаранцы, нагие до пояса. Их кричаще яркие шелковые одеяния перепачканы смолой, в ушах и на рукоятях кинжалов сверкали драгоценные камни. Им не терпелось начать древнюю игру встречи новичка. Сейчас его подвергнут испытанию и определят его будущее положение в команде. Вверху на кормовой палубе Запораво явно уже позабыл о существовании новичка, но Санча наблюдала с жадным

интересом. Она привыкла к таким сценам и знала, что проверка будет жесткой и, возможно, кровавой.

Но ее знакомство с подобными вещами было весьма слабым по сравнению с опытом Конана. Он слегка улыбнулся при виде враждебных фигур, которые угрожающе окружили его. Он остановился и обвел их взглядом, в котором ничего нельзя было прочесть. На лице его была непоколебимая уверенность. Существовали неписаные законы поведения в таких ситуациях. Если бы Конан напал на капитана, на него бы набросилась вся команда. Но теперь команда даст ему возможность подраться один на один с тем, кого они выбрали затеять ссору с новичком.

Матрос, выбранный для этой цели, протолкался вперед. Это был крепкий жилистый зверь. Вокруг его головы, как тюбан, был обмотан кроваво-красный шелковый пояс. Его худой подбородок торчал вперед, изуродованное шрамами лицо было отвратительно злобным. Каждый его взгляд, каждый шаг вразвалку был намеренно оскорбителен. Он завязывал ссору столь же примитивно, грубо и жестоко, каким был он сам.

— Бараша, да? — ощерился он. — Там все псы, а не мужчины. Мы, вольные моряки, пллюем на них — вот так!

Он плонул Конану в лицо и схватился за меч.

Движение бараща было слишком быстрым, чтобы кто-то успел его заметить. Его кулак, подобный кузнецкому молоту, с чудовищной силой врезался в челюсть задиры. Зингаранец пролетел по воздуху и рухнул бесформенной кучей у борта.

Конан обернулся к остальным. Если не считать постепенно угасающего сверкания его глаз, в нем ничего не изменилось. Однако проверка новичка закончилась так же быстро, как началась. Моряки подняли своего товарища. Его сломанная челюсть отвисла, голова бессильно болталась.

— Клянусь Митрой, у него сломана шея! — выругался чернобородый пират.

— Вы, вольные моряки, ребята со слабыми костями, — расхохотался Конан. — Мы на Бараш не обращаем внимания на такие оплеухи. Ну что, кто-нибудь из вас полезет ко мне с мечом? Нет? Тогда порядок. Мы друзья, э?

Достаточно языков были наготове, чтобы заверить его, что так оно и есть. Загорелые руки выбросили мертвого пирата за борт, и дюжина плавников разрезала воду в том месте, куда упало тело. Конан рассмеялся и потянулся могучим телом, как огромная кошка. Его взгляд устремился вверх, на кормовую палубу. Санча перегнулась через бортик, ее яркие губы раскрылись, темные глаза сверкали интересом. Солнце за ее спиной обрисовывало ее гибкую фигуру, просвечивая насквозь легкую ткань ее платья. Затем на нее упала мрачная тень Запорово и тяжелая рука похозяйски легла на хрупкое девичье плечо. В хмуром многозначительном взгляде, который он бросил вниз, была угроза. Конан ответил ему ухмылкой, словно подумав о шутке, которая известна ему одному.

Запорово совершил ошибку, которую делают многие тираны. В мрачном великолепии своего одиночества на верхней палубе он недооценил людей, которые находятся ниже его. У него была возможность убить Конана, но он упустил ее, упиваясь собственным величием. Он не мог представить, что кто-то из этих псов на нижней палубе может быть ему опасен. Он так долго был наверху и столь многих врагов подавил и уничтожил, что бессознательно счел себя стоящим выше происков любых соперников.

Конан и в самом деле не провоцировал его. Он смешался с командой, жил и развлекался вместе с ними. Он показал себя опытным моряком. Конан был намного сильнее любого из них. Он делал работу за троих и всегда первым хватался за тяжелую или опасную работу. Его товарищи начали полагаться на него. Он не затевал с ними ссор, и они старались ничем не задеть его. Конан играл с ними в азартные игры, ставя свой пояс и ножны, выигрывал у них

деньги и оружие, и отдавал обратно со смехом. Команда бессознательно стала видеть в нем вожака. Он ничего не рассказывал о том, что заставило его покинуть Бараш, но то, что он совершил нечто настолько кровавое, из-за чего его изгнала такая дикая банда, как барашские пираты, прибавило ему уважения в глазах свирепых вольных моряков. По отношению к Запораво и товарищам-матросам Конан был неизменно вежлив, никогда не вел себя ни нагло, ни услужливо.

Даже самые тупые отметили контраст между угрюмым, грубым, молчаливым капитаном и пиратом, который часто смеялся раскатистым смехом, распевал непристойные песни на дюжине языков, хлестал эль как завзятый пьяница и, судя по всему, ничуть не заботился о будущем.

Если бы Запораво знал, что его сравнивают — пусть бессознательно — с человеком с нижней палубы, он потерял бы дар речи от удивления и гнева. Но он был занят своими мыслями, которые с годами становились все мрачнее, и своими смутными мечтами о величии — а также девушкой, обладание которой доставляло ему горькую радость. Впрочем, таковы были все его радости.

А девушка все чаще и чаще посматривала на гиганта с гривой черных волос, который в работе или на отдыхе возвышался среди товарищей-матросов, как гора. Он никогда не заговаривал с ней, но нельзя было ошибиться при виде огня в его глазах. Санча и не ошибалась, и она часто думала, насколько ей хватит смелости продолжать эту игру.

От дворцов Кордавы ее отделяло не так много времени, но для нее прошла целая жизнь с тех пор, как Запораво унес ее с пылающей каравеллы, на которую напали его волки. Санча, которая была избалованной и испорченной дочерью Графа Кордавского, узнала, что значит быть игрушкой пирата. Поскольку она была достаточно сильной и гибкой, чтобы гнуться не ломаясь, Санча выжила там, где другие женщины умирали. А поскольку она была юной и полной жизни, она начала находить радость в своем существовании.

Эта новая жизнь была лишена уверенности в завтрашнем дне, похожа на сон и полна разительных контрастов — сражения, мародерство, убийства, бегство. Странности Запораво делали их жизнь еще более случайной, чем у обычных вольных моряков. Никто не знал, что предпримет их капитан в следующий раз. В настоящий момент они покинули известные берега и все дальше углублялись в неведомые просторы, которых избегали обычные мореплаватели. С начала времен находились искатели приключений, которые направляли свои корабли этим курсом — и исчезали навсегда.

Известные земли остались далеко позади. День за днем синий простор вздымающихся и опускающихся волн расстипался перед их взором. Здесь не было добычи — ни городов, которые можно ограбить, ни кораблей, на которые можно напасть. Команда роптала, хотя и потихоньку, чтобы их недовольные речи не достигли ушей неумолимого капитана. Он денно и нощно вышагивал по верхней палубе в угрюмом величии, или же склонялся над древними схемами и пожелевшими от времени картами; читал пухлые тома из рассыпающегося, изъеденного червями пергамента. Время от времени он разговаривал с Санчей. Его речи казались девушке дикими и странными. Он говорил о затерянных континентах, о сказочных городах, что дремлют непознанными среди синих вод, омывающих их берега, и рогатые драконы стерегут там сокровища, собранные королями дочеловеческих государств когда-то давным-давно.

Санча слушала, не понимая его, обхватив руками свои стройные колени. Мысли девушки все время отвлекались от речей ее угрюмого спутника и устремлялись к бронзовокожему гиганту, чей смех был раскатистым и первобытным, как морской ветер.

Итак, после многих утомительных недель плавания они увидели землю на западе и на рассвете бросили якорь в мелководной бухте. На берегу за полосой белого песка начинались

нологие склоны, поросшие густой травой и деревьями. Ветер принес запах свежей зелени и цветов, и Санча захлопала в ладоши в восторге, что они высаживаются на берег. Но ее радость быстро прекратилась, когда Запораво приказал ей оставаться на корабле, пока он не пошлет за ней. Он никогда не объяснял свои распоряжения, так что она никогда не знала причин его поступков — кроме тех частых случаев, когда дьявол в его душе заставлял его причинять девушке боль без всякой причины.

В прескверном настроении Санча расположилась на верхней палубе и наблюдала, как матросы взмахами весел направляют лодку к берегу по тихой воде, которая в утреннем свете сверкала, как жидкий нефрит. Девушка видела, как они высаживаются на песчаный берег — настороженные, с оружием наготове. Несколько человек направились на разведку под деревья. Среди них она заметила Конана. Невозможно было не узнать его высокую бронзовую фигуру, его пружинистый шаг. Люди говорили, что он вообще не цивилизованный человек, он киммериец — один из тех варваров, чьи племена обитают на холмах далекого Севера и наводят своими набегами ужас на южных соседей. Она и сама чувствовала, что в нем есть что-то необычное, какая-то потрясающая жизненная сила варвара, которая отличала его от других матросов, хоть они и были достаточно дикими.

В тишине берега эхом отдавались голоса. Тишина придала уверенности пиратам. Группы рассыпались и люди разбрелись по берегу среди деревьев в поисках фруктов. Санча смотрела, как они лезут на деревья, срывают фрукты, и ей захотелось тоже попробовать фруктов. Она топнула маленькой ножкой и выругалась с умением, которое обеспечивал ее опыт общения с постоянно сквернословящими пиратами.

Люди на берегу нарывали много прекрасных фруктов и принялись пирить. Им особенно пришелся по вкусу незнакомый фрукт в золотистой кожуре. Только Запораво не искал и не ел фруктов. Его разведчики не обнаружили поблизости ни людей, ни каких-либо следов присутствия человека, ни диких зверей. Он стоял, устремив взгляд на длинные цепи пологих холмов, мягко переходящих один в другой. Затем, отдав краткое распоряжение, он взял в руку меч и направился к деревьям. Один из матросов попытался убедить его неходить в одиночку и был вознагражден ужасным ударом в челюсть. У Запораво были свои причины для того, чтобы идти одному. Он хотел выяснить, действительно ли этот остров — тот самый, который упоминался в таинственной Книге Скелоса. Там говорилось, что на этом острове неведомые чудовища, создания безымянных мудрецов, стерегут склепы, полные покрытого иероглифами золота. Запораво, следуя своему угрюому образу мыслей, не желал делиться этим знанием, вне зависимости от того, было оно истинным или ложным, ни с кем — а меньше всего со своей собственной командой.

Санча, с неослабным любопытством наблюдала с верхней палубы за тем, что происходит на берегу, увидела, как Запораво исчез среди деревьев. Она увидела также, как барашский пират Конан оглянулся, бросил быстрый взгляд на остальных, которые разбрелись по берегу, последовал в том же направлении, что и Запораво, и тоже исчез за деревьями.

Любопытство Санчи стало еще сильнее. Она ждала, когда они вернутся, но они не возвращались. Матросы продолжали бесцельно слоняться по берегу, кое-кто побрел вглубь суши. Многие улеглись в тени поспать. Время шло. Санча беспокойно расхаживала по палубе. Солнце стало припекать даже через полотняный навес над верхней палубой. Здесь было жарко, тихо, сонно — а в нескольких ярдах от корабля, за полосой синего мелководья, в прохладной тени деревьев Санчу манила тайна неведомого острова. А больше всего ее занимала загадка исчезновения Запораво и Конана.

Она слишком хорошо знала, каким будет наказание, если она посмеет ослушаться своего не знающего жалости хозяина. Некоторое время девушка колебалась. Наконец она решила, что даже

если Запораво отхлещет ее плеткой, это мероприятие того стоит. Не раздумывая более, она сбросила легкие кожаные сандалии, выскоцкнула из платья и осталась нагой, как Ева. Перебравшись через борт и спустившись вниз по снастям, Санча скользнула в воду и поплыла к берегу. Через несколько минут она уже стояла на берегу. Она поежилась, когда песок обжег ей ступни. Девушка осмотрелась в поисках пиратов. Она увидела только несколько человек, поодаль на берегу. Многие спали, развалившись под деревьями. В руках у них были золотистые плоды. Санча удивилась, отчего они так крепко спят в такой ранний час.

Никто не окликнул ее, когда она пересекла белую полоску песка и оказалась в тени деревьев. Она обнаружила, что деревья на пологих склонах растут неровными группами, а между этими рощами простираются широкие травянистые луга. Санча продвигалась вглубь суши, в том же направлении, в котором скрылись Запораво и Конан. Ее заворожил зеленый ландшафт, расстилавшийся перед ней: один пологий холм за другим, покрытый зеленым ковром травы с пятнами рощ. Между склонов лежали неглубокие низины, тоже покрытые густой травой. Ландшафт, казалось, таял, растворялся в себе самом, одна картина мягко переходила в другую. Пейзаж был своеобразным, одновременно просторным и ограниченным. Все было окутано сонным молчанием, словно чарами.

Неожиданно она вышла на плоскую вершину холма, окруженную высокими деревьями, и волшебное сонное очарование тотчас исчезло при виде того, что лежало на покрасневшей истоптанной траве. Санча невольно крикнула и отпрянула, но остановилась и подкралась вперед, вся дрожа, с широко открытыми глазами.

На траве перед ней лежал Запораво. Он смотрел вверх невидящим взглядом. В груди его была открытая рана. Меч его валялся рядом с бесчувственной рукой. Ястреб спикировал в последний раз.

Нельзя сказать, что Санча смотрела на труп своего повелителя без всяких чувств. У него не было причин любить его, но по крайней мере она испытывала такие чувства, как любая девушка при виде мертвого тела человека, который первый обладал ей. Она не плакала и не испытывала потребности плакать, но ее охватила сильная дрожь и кровь застыла в ее жилах. Девушка с трудом подавила приступ истерики.

Она осмотрелась в поисках человека, которого ожидала увидеть. Ее взгляд не встретил ничего, кроме кольца высоких лесных гигантов с густой листвой, и синих склонов за ними. Куда исчез тот, кто прикончил вольного моряка? Уполз, смертельно раненый? Но не было кровавых следов, ведущих от тела.

Озадаченная девушка направилась к деревьям, но застыла на месте, когда изумрудные листья зашевелились — и это не было вызвано порывом ветра. Она осторожно подошла к деревьям, пристально глядываясь вглубь листвы.

— Конан? — неуверенно спросила она. Собственный голос показался ей странным и тихим в необозримом пространстве тишины, которая внезапно стала тревожной.

Колени девушки задрожали от охватившей ее паники.

— Конан! — отчаянно вскрикнула она. — Это я, Санча! Где ты? Прошу тебя, Конан...

Голос ее прервался. Карие глаза расширились от невыразимого ужаса. С ярких губ сорвался нечленораздельный крик. Оцепенение завладело ее телом: ей нужно было бежать со всех ног, а она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Она могла только кричать, кричать без слов.

Когда Конан увидел, что Запораво один удаляется вглубь острова, он понял: это тот шанс, которого он ждал. Конан не ел фруктов, не участвовал в грубых забавах своих товарищней. Он был занят наблюдением за действиями капитана пиратов. Привыкшие к странным настроениям Запораво матросы не особенно удивились, что их капитан решил исследовать неизвестный и, возможно, враждебный остров в одиночку. Они занялись собственными развлечениями, и не заметили, как Конан скользнул вслед за капитаном, как пантера на охоте.

Конан вовсе не недооценивал свое влияние на команду. Но он еще не получил права вызывать капитана на смертельный поединок, так как пока не участвовал в боях и набегах. В пустых морских просторах, которые бороздил корабль Запораво, у Конана не было возможности показать себя в соответствии с неписанными законами вольных моряков. Команда была бы против него, если бы он решился открыто напасть на капитана. Но он знал, что если он убьет Запораво без их ведома, команда, лишенная капитана, не станет хранить верность мертвому. В таких волчьих стаях в счет шли только живые.

Поэтому он последовал за Запораво с мечом в руке и нетерпением в душе. Они вышли на плоскую вершину, окруженную кольцом высоких деревьев. За их толстыми стволами виднелся зеленый ландшафт пологих холмов, тающих в синей дымке расстояния. Посредине открытого места Запораво, почувяв преследование, обернулся. Рука его легла на рукоять меча.

Пират выругался.

— Зачем ты идешь за мной, грязный пес?

— Ты с ума сошел? Это же яснее ясного, — рассмеялся Конан, быстро приближаясь к тому, кто до сих пор был его капитаном. На губах его была улыбка, а глаза пылали диким блеском.

Запораво, гнусно выругавшись, выхватил свой меч. Барашец без лишних слов бросился на него. Меч Конана превратился в свистящую арку стали у него над головой. Сталь ударила о сталь.

Запораво был ветераном тысячи боев на суше и на море. В мире не было человека, более глубоко и всесторонне знакомого с искусством боя на мечах, чем он. Но он никогда еще не сталкивался с клинком, которым орудовали могучие руки варвара, взращенного в диких землях за пределами цивилизованных стран. С его искусством владения мечом соревновались молниеносная скорость и чудовищная сила, недоступные цивилизованному человеку. Манера Конана действовать мечом была необычной. Он дрался естественно и свободно, как лесной волк. Сложности искусства мечника были бесполезны против его первобытной ярости, как была бы бесполезна ловкость человека-боксера против убийственной моши пантеры.

Запораво сражался так, как никогда до сих пор. Он выкладывался до последнего, чтобы отразить клинок, который подобно молнии сверкал над его головой. В отчаянии Запораво принял один удар рукоятью меча и почувствовал, что рука его онемела до самого плеча от страшного удара. За этим ударом немедленно последовал другой, столь чудовищный, что острие меча прошло сквозь кольчугу и ребра, как сквозь бумагу, и пронзило сердце насеквоздь. Губы Запораво искривились в краткой агонии. Но он до конца был верен своему угрюмому нраву и не издал ни звука. Он был мертв раньше, чем его тело упало на истоптанную траву, на которой капли крови сверкали подобно рубиновой крошки в солнечных лучах.

Конан стряхнул с меча капли крови, удовлетворенно, но без особого восторга ухмыльнулся, потянулся как огромная кошка — и вдруг замер. Довольное выражение на его лице сменила гримаса недоумения. Он застыл, как статуя, с мечом наперевес.

Когда он поднял глаза от тела поверженного врага, его отсутствующий взгляд задержался на окружающих ровную площадку деревьях и пейзаже за ними. И Конан увидел нечто фантастическое, нечто невероятное и необъяснимое. Над мягким округлым силуэтом отдаленного холма он увидел высокую черную нагую фигуру, которая несла на плече другую — тоже нагую, но белую. Явление исчезло так же внезапно, как появилось, оставив Конана в полнейшем недоумении.

Пират осмотрелся вокруг, неуверенно глянул туда, откуда пришел, и выругался. Он был в замешательстве — можно даже сказать, расстроен, если такое определение применимо к человеку со стальными нервами вроде Конана. Посредине совершенно реального, хоть и экзотического пейзажа, он увидел странствующий призрак из кошмарного сновидения. Конан не сомневался ни в своем зрении, ни в здравом рассудке. Он точно знал, что видел нечто чужое, таинственно жуткое, сверхъестественное. Достаточно было уже одного только появления черной фигуры, несущей на плече белого пленника; но вдобавок черная фигура была неестественно высока.

С сомнением покачав головой, Конан направился в том направлении, где он видел фигуру. Он не обдумывал, насколько разумно так поступать. Любопытство его было настолько возбуждено, что он не мог не поддаться искущению.

Он пересекал холм за холмом. Все холмы были одинаковыми, поросшими густой зеленой травой, с разбросанными по склонам рощами деревьев. Хотя Конану приходилось все время подниматься и спускаться по склонам с утомительной монотонностью, в целом местность постепенно повышалась. Череда круглых вершин и неглубоких долин изматывала и казалась бесконечной. Но наконец Конан поднялся на холм, который, похоже, был самой высокой вершиной острова, и остановился при виде зеленых сверкающих стен и башен. Пока он не достиг того места, где стоял теперь, они так сливались с зеленью ландшафта, что были незаметны даже для его зоркого взгляда.

Конан некоторое время стоял в нерешительности, поигрывая мечом, затем двинулся вперед, снедаемый червем любопытства. Он приблизился к высокой арке в закругленной стене. Вокруг не было ни души. Осторожно и внимательно заглянув внутрь, Конан увидел просторный открытый двор, поросший травой. Двор окружала круглая стена из зеленого полупрозрачного вещества. В ней было несколько арок. Ступая на цыпочках босыми ногами, держа меч наготове, Конан наугад выбрал одну из арок и, пройдя сквозь нее, оказался в другом похожем дворе. Над внутренней стеной он видел шпили башнеподобных сооружений странной формы. Одна из этих башен выходила в тот двор, где он оказался. В нее вела широкая лестница. Конан поднялся по лестнице, задавая себе вопрос — происходит ли это с ним на самом деле, или он попал в грезы, вызванные черным лотосом?

Взойдя по лестнице, он оказался на обнесенном стеной выступе, или на балконе, Конан не разобрался, что именно это было. Теперь он видел детали строений, но они ничего для него не значили. С неуютным чувством он понял, что обычные человеческие существа не могли бы построить эти башни. В их архитектуре была симметрия и система, но то была безумная симметрия и система, чуждая человеческому рассудку. Что касается планировки городка, или замка, или что это было, в целом, то Конан видел достаточно, чтобы у него создалось впечатление огромного количества дворов, преимущественно круглых, окруженных каждой своей стеной и связанных с другими посредством открытых арок. Вся постройка в целом группировалась вокруг странных башен в центре.

Повернувшись в сторону, противоположную башням, Конан испытал страшное потрясение и съежился за парапетом балкона, ошеломленный и удивленный.

Балкон или выступ, на котором находился Конан, был выше противоположной стены, и Конану был поверх стены виден соседний двор. Дальняя внутренняя стена этого двора отличалась от других, которые он видел. Она была не гладкой, а пересекалась длинными линиями выступов, заполненных небольшими предметами, природы которых Конан не мог определить.

Однако в тот момент он обратил мало внимания на эту стену. Его внимание было сосредоточено на группе существ, которые сгрудились поблизости от темно-зеленого бассейна в центре двора. Существа были черными и нагими, человекоподобными — но самое невысокое из них, выпрямившись, было бы на две головы выше Конана. Высокий пират едва доставал бы ему до плеча. Они были скорее стройными, чем массивными, их мускулистые тела были правильными, без малейшего признака уродства. Единственным отличием был ненормально высокий рост. Но даже на таком расстоянии Конан уловил дьявольское в их лицах.

В центре группы, съежившись от страха, стоял нагой юноша, в котором Конан узнал младшего из моряков «Негодая». Значит, это он был тем пленником, которого несла по склону замеченная Конаном черная фигура. Конан не слышал тогда шума борьбы и теперь не замечал следов крови или ран на лоснящихся телах гигантов цвета черного дерева. Надо полагать, парень забрел вглубь острова, далеко от своих товарищей, и его схватил черный гигант, который скрывался в засаде. Конан мысленно определил этих существ как черных людей за неимением лучшего определения; инстинктивно он знал, что эти высокие черные существа не люди в привычном смысле слова.

Звуки до Конана не доносились. Черные кивали друг другу и жестикулировали, но непохоже было, что они разговаривают — по крайней мере, вслух они не общались. Один из них, присев на корточки рядом с дрожащим от страха парнишкой, держал в руках какой-то предмет, похожий на свирель. Он поднес ее к губам и, наверное, дунул — хотя Конан не услышал звука. Но юный зингаранец услышал или почувствовал. Он задрожал. Он дрожал и корчился, словно в агонии. В движениях его тела стала заметна определенность, движения стали ритмичными. Дрожь перешла в жуткие содрогания, правильные и ритмичные. Парень начал танцевать — как танцуют кобры, извиваясь под звуки флейты факира. В этом танце не было никакого пыла, восторга, радостного самозабвения. Самозабвение, правда, было — но вовсе не радостное. На это было жутко смотреть. Как будто немая музыка свирели впилась похотливыми пальцами в самые тайники души паренька и с дьявольской жестокостью помимо его воли вымучивала из него выражение потаенных страстей. Это были судороги непотребства, спазм сладострастия, принудительно вызванное извержение скрытых желаний. Желание без удовольствия, боль, неразрывно сплетенная с похотью. Смотреть на это было все равно что наблюдать, как с души срывают все покровы до последнего, и она остается обнаженной, являя все свои темные и безымянные тайны.

Конан смотрел, застыв от ужаса и отвращения. Это зрелище вызывало у него тошноту. Сам он был примитивен, как лесной волк, но ему были знакомы извращенные секреты загнивающих цивилизаций. Он бродил по городам Заморы и знал женщин Злого Шадизара. Но сейчас он чувствовал присутствие космического зла, далеко превосходящего обычную человеческую испорченность: извращенная ветвь на древе Жизни, развивавшаяся по законам, недоступным человеческому пониманию. Конан был потрясен не агонизирующими судорогами несчастного паренька, а глубинным непотребством этих существ, которые могли вызвать на свет тайны, что дремлют в бездонной тьме человеческой души, и находили удовольствие в бесстыдном выставлении напоказ таких вещей, на которые не следовало бы даже намекать, о которых нельзя вспоминать даже в бессонные ночи, полные кошмаров.

Вдруг черный мучитель отложил свирель и встал, возвышаясь как башня над дрожащей

белой фигуркой. Грубо схватив паренька за шею и ноги, гигант перевернул его вниз головой и окунул в зеленый бассейн. Конан увидел, как тело несчастного блеснуло белизной сквозь зелень воды. Гигант держал пленника глубоко под поверхностью воды. Затем среди остальных черных произошло движение, и Конан быстро укрылся за стеной балкона, не осмеливаясь высунуть голову, чтобы его не увидели.

Через некоторое время любопытство одержало верх, и он осторожно выглянул. Черные переходили из того двора в другой через арку. Один из них как раз клал что-то на выступ дальней стены, и Конан увидел, что этот тот из гигантов, который мучил паренька. Он был выше остальных, и на голове его был обруч, украшенный драгоценными камнями. Зингаранского паренька не было видно. Гигант последовал за своими товарищами, и Конан увидел, как они выходят через ту арку, через которую он сам попал в этот замок ужаса, и направляются туда, откуда он пришел. У них не было оружия, но Конан понял, что они намерены расправиться с вольными моряками.

Но прежде чем идти предупредить об опасности ничего не подозревающих пиратов, он хотел выяснить, какая участь постигла паренька. Ничто не нарушало тишину. Конан решил, что во дворах и в башнях нет никого, кроме него самого.

Он быстро спустился по лестнице, пересек двор и прошел через арку в тот двор, которые только что покинули черные. Теперь он рассмотрел, что из себя представляет стена с выступами. На ней рядами располагались выступы, вырезанные из цельного камня. На выступах были расположены тысячи маленьких фигурок, в основном сероватого цвета. Эти фигурки были не длиннее человеческой руки. Они изображали людей, и были сделаны столь искусно, что Конан различил в статуэтках разные расовые черты — черты, типичные для жителей Зингары, Аргоса, Офира и корсаров Куша. Эти последние были черными, как настоящие кущиты. Конан чувствовал странную напряженность, когда рассматривал немые незрячие фигурки. Они так точно копировали реальность, что становилось не по себе. Он потрогал несколько статуэток, но не смог определить, из какого материала они сделаны. Материал был похож на окаменевшую кость, но он не мог представить, откуда на острове нашлось такое множество окаменевшей кости, чтобы ее можно было использовать так щедро.

Конан обратил внимание, что статуэтки, изображающие людей тех рас, которые ему знакомы, стоят на верхних выступах. Нижние выступы были заняты фигурками, черты которых были ему незнакомы. Они либо были вымыслом неведомого мастера, либо представляли давно вымершие и забытые расы.

Нетерпеливо тряхнув головой, Конан повернулся к бассейну. В круглом дворе негде было спрятаться; поскольку тела зингаранца нигде не было, значит, оно должно лежать на дне бассейна.

Приблизившись в ровному зеленому диску, Конан всмотрелся в блестящую поверхность. Он как будто смотрел сквозь толстое зеленое стекло — не замутненное, но странно обманчивое. Бассейн был небольших размеров, круглый как колодец, огражденный бортиком из зеленого нефрита. Заглянув в него, Конан увидел круглое дно. Он не смог определить, как глубоко от поверхности оно находится. Однако бассейн казался невероятно глубоким. Глядя вниз, Конан чувствовал головокружение, как будто смотрел в бездонную пропасть. Он был озадачен тем, что вообще видит дно: оно было невероятно, невозможно далеким, призрачным, иллюзорным, но явственно различимым. Время от времени ему казалось, что он замечает нечто вроде слабого свечения глубоко в глубинах цвета нефрита, но он не мог сказать наверняка. Зато Конан мог сказать со всей определенностью, что бассейн пуст, если не считать сверкающей воды.

В таком случае, куда, во имя Крома, делся паренек, которого у Конана на глазах жестоко утопили в этом бассейне? Конан выпрямился, провел пальцем по лезвию меча и вновь осмотрел

двор. Его взгляд остановился на одной из статуэток, выстроенных на одном из верхних уступов стены. Он видел, как черный гигант что-то поставил туда... Холодный пот выступил на загорелой коже Конана.

Нерешительно, однако не в силах противиться, словно его влекло туда магнитом, пират подошел к блестящей стене. Ошеломленный возникшим у него подозрением — подозрением слишком чудовищным, чтобы его можно было высказать вслух, — он взорвался на последнюю фигурку в ряду. Страшное сходство было очевидным. Ошибиться было невозможно. Каменные, неподвижные черты маленькой статуэтки были чертами зингаранского паренька. Фигурка уставилась на Конана незрячими глазами. Конан отпрянул, потрясенный до глубины души. Его меч дрогнул в онемевшей руке. Он не мог оторвать взгляда и стоял, разинув рот, ошеломленный осознанием факта, который был слишком бездонным и ужасающим, чтобы его можно было охватить умом.

Однако сомнений быть не могло. Секрет маленьких фигурок был раскрыт — хотя за ним лежала более темная и зловещая тайна их природы.

Как долго Конан стоял, переживая свое открытие, он не знал. Из оцепенения его вывел женский голос. Женщина кричала все громче и громче, как будто ее тащили ближе. Конан узнал этот голос, и оцепенение мгновенно слетело с него.

Быстрым движением он взлетел вверх по узким выступам, отшвыривая фигурки, чтобы поставить ногу. Он прыгнул, уцепился за край стены, подтянулся и заглянул через стену. Стена оказалась внешней. Взору Конана предстал зеленый луг, окружающий замок.

По заросшему травой склону шагал черный гигант, неся извивающуюся пленницу под мышкой, как человек может нести сопротивляющегося ребенка. Пленницей была Санча. Ее черные волосы ниспадали спутанными черными волнами, оливковая кожа резко контрастировала с блестящей чернотой тела гиганта. Не обращая ни малейшего внимания на то, как она извивается и кричит, он направлялся к арке входа.

Когда черный скрылся внутри, Конан сломя голову прыгнул вниз со стены и осторожно прокрался сквозь арку, которая вела в соседний двор. Прижавшись к стене, он наблюдал, как гигант вошел в двор с бассейном, неся сопротивляющуюся пленницу. Отсюда Конану были хорошо видны черты черного существа.

Превосходная симметрия тела производила еще большее впечатление на близком расстоянии. Под кожей цвета черного дерева выступали мускулы, и Конан при виде их не усомнился, что гигант способен разорвать обычного человека на части голыми руками. Еще одни могучим оружием служили ногти на руках — они были длинными, как когти дикого зверя. Лицо было словно маска, вырезанная из черного дерева. Темно-карие глаза переливались мерцающим золотом. Но само лицо было нечеловеческим. Каждая его линия, каждая черточка была отмечена злом — глубинным злом, превосходящим обычное человеческое зло. Существо не было человеком, не могло им быть. Это было богохульное создание, противоречащее самой жизни, развившееся по противоестественным законам — извращение эволюции.

Гигант бросил Санчу на траву. Девушка упала ниц, плача от боли и ужаса. Черный осмотрелся вокруг, словно что-то его беспокоило, и глаза его расширились при виде разбросанных статуэток. Тем не менее он наклонился, взял пленницу за шею и ноги и целеустремленно направился к зеленому бассейну. Конан выскользнул из-за арки и подобно ветру смерти пронесся через двор.

Гигант обернулся и глаза его вспыхнули, когда он увидел, что бронзовокожий человек ринулся напасть на него. От удивления он на миг разжал жестокую хватку, и Санча вывернулась из его рук и упала на траву. Руки с чудовищными когтями протянулись к ней, но Конан проскользнул под ними и вонзил меч в пах гиганта. Черный человек свалился, как срубленное дерево, истекая кровью, и в следующий миг Санча изо всех сил вцепилась в Конана, вне себя от страха и истерического облегчения.

Конан выругался, высвобождаясь из ее объятий. Но его враг уже был мертв: темно-карие глаза остекленели, огромное черное тело перестало вздрогивать.

— Ах, Конан, — всхлипывала Санча, цепко прижимаясь к нему. — Что с нами будет? Кто эти чудовища? Ах, несомненно, это Ад, и этот черный — сам Дьявол...

— В таком случае Аду понадобится новый дьявол, — осклабился барабашец.

— Но как он поймал тебя? Они что, захватили корабль?

— Не знаю, — она попыталась вытереть слезы, потянулась за краем платья, и только тогда вспомнила, что на ней ничего нет. — Я поплыла на берег. Я видела, как ты последовал за

Запорово, и пошла за вами двоими. Я нашла Запорово... Это ты... ты его...

— Кто же еще? — проворчал Конан. — И что дальше?

— Я увидела движение среди деревьев, — девушка задрожала. — Я подумала, что это ты. Я позвала... А потом я увидела это... эту черную тварь, которая сидела на ветках, как обезьяна, и злобно пялилась вниз, на меня. Это было как в кошмарном сне. Я не могла бежать, не могла пошевелиться. Могла только кричать. Потом оно спрыгнуло с дерева и схватило меня... О! — Она спрятала лицо в ладонях, не в силах вынести даже воспоминаний о пережитом ужасе.

— Ну ладно, пора выбираться отсюда, — пробурчал Конан, беря девушку за запястье. — Пошли, надо еще предупредить команду...

— Когда я направилась вглубь острова, большинство матросов спали на берегу, — сказала Санча.

— Спали? — неодобрительно воскликнул он. — Проклятье! Что, во имя семи дьяволов адского огня...

— Слушай! — Санча замерла и побелела, как воплощение страха.

— Я слышал! — рявкнул Конан. — Это был громкий стон. Жди!

Конан снова взобрался по выступам, заглянул за стену и выругался с такой концентрированной яростью, что Санча задохнулась. Черные люди возвращались, но не с пустыми руками. Каждый нес человека, а некоторые даже двух. Их пленниками были вольные моряки. Люди безжизненно видели в руках гигантов, и если бы не случайное слабое движение или судорога, Конан решил бы, что они мертвы. Моряки были обезоружены, но не связаны. Один из черных нес из мечи в ножнах — полная охапка торчащей в разные стороны стали. Время от времени кто-нибудь из пиратов испускал слабый крик, словно пьяница, вскрикивающий в тяжелом сне.

Конан огляделся по сторонам, как волк, попавший в западню. Из двора с бассейном вели три арки. Через восточную арку черные покидали двор, и через нее они, вероятно, вернутся. Он сам вошел через южную арку. За западной аркой он прятался, и у него не было времени выяснить, что находится за ней. Хотя он совершенно не представлял себе планировку замка, теперь ему приходилось срочно принимать решение.

Спрыгнув со стены, Конан в невероятной спешке расставил по местам статуэтки, подтащил труп своей жертвы к бассейну и сбросил туда. Тело мгновенно погрузилось. Провожая его взглядом, Конан ясно увидел, как жутко уменьшается тело — съеживается, уплотняется. Он быстро отвернулся, весь дрожа. Конан схватил за руку свою спутницу и торопливо потащил ее к южной арке. Санча умоляла, чтобы он объяснил ей, что происходит.

— Они схватили команду, — на бегу бросил он. — У меня нет никакого плана. Мы просто где-нибудь спрячемся и посмотрим. Если они не заглянут в бассейн, они могут не догадаться, что мы здесь.

— Но они увидят кровь на траве!

— Может быть, дьяволы решат, что ее пролил кто-то из них же, — ответил он. — Как бы то ни было, придется рискнуть.

Они оказались в том дворе, из которого он наблюдал, как мучают паренька. Конан быстро втащил Санчу вверх по лестнице, идущей вдоль южной цепи, и заставил ее пригнуться за балюстрадой балкона. Это было жалкое укрытие, но лучшего у них не было.

Они едва успели спрятаться, как черные вошли во двор. У подножия лестницы раздался звон, от которого разошлось громкое эхо, и Конан напряженно замер, схватившись за меч. Но гиганты прошли через юго-западную арку. Послышались глухие удары и стоны. Гиганты побросали своих жертв на траву. Санча начала истерически хихикать, и Конан быстро зажал ей рукой рот, прежде чем она успела их выдать.

Через некоторое время они услышали топот многих ног внизу на траве. Затем воцарилась тишина. Конан выглянул из-за стены. Двор был пуст. Черные снова собрались рядом с бассейном в соседнем дворе, присев на корточки. Они, похоже, не обратили внимания на огромные пятна крови на траве и нефритовом бортике бассейна. Надо полагать, пролитая кровь не была здесь чем-то необычным. В бассейн они тоже не заглядывали. Они были заняты каким-то своим необъяснимым совещанием. Высокий черный снова играл на своей золотой свирели, а его товарищи слушали, застыв как статуи из черного дерева.

Взяв Санчу за руку, Конан скользнул вниз по лестнице, нагнувшись так, чтобы его головы не было видно над стеной. Ему пришлось тащить девушку силой. Она со страхом смотрела на арку, ведущую во двор с бассейном. Под таким углом через арку не было видно ни бассейна, ни угрюмое сбогище рядом с ним. У подножия лестницы лежали грудой мечи зингаранцев. Металлический звук, который слышали Конан с девушкой, был звуком брошенного оружия.

Конан потащил Санчу к юго-западной арке. Они молча пересекли двор и через арку попали в двор, лежащий за ней. Там лежали небрежно брошенные вольные моряки. Усы их топорчились, в ушах блестели серьги. То один, то другое ворочался и беспокойно стонал. Конан склонился над ними, а Санча опустилась рядом на колени и наклонилась вперед уперев руки в бедра.

— Что это за сладкий приторный запах? — нервно спросила она. — Их дыхание так пахнет.

— Это те проклятые фрукты, которые они ели, — мягко ответил Конан. — Я помню их запах. Они, должно быть, как черный лотос, который погружает людей в сон. Клянусь Кромом, они начинают просыпаться — но они безоружны, и, по-моему, эти черные дьяволы не станут долго ждать, прежде чем подвергнут их своей магии. Ребята безоружны и одурманены сном, какие у них будут шансы?

Он на мгновение задумался, сосредоточенно нахмутившись. Затем схватил Санчу за оливковое запястье так сильно, что она поморщилась от боли.

— Слушай! Я отвлеку этих черных уродов в другую часть замка и задержу их на некоторое время. А ты тем временем растолкай этих олухов и принеси им оружие. Это единственный шанс выиграть сражение. Ты сможешь?

— Я... Я... не знаю! — запнулась она, дрожа от ужаса и едва понимая, что говорит.

Конан с проклятием схватил ее за пышные волосы и тряс, пока стены не закачались у нее перед глазами.

— Ты должна это сделать! — прошипел он. — Это наша единственная надежда!

— Я постараюсь! — выдохнула она.

Конан наградил Санчу одобрительным ворчанием и ободряющим шлепком, который чуть не сбил ее с ног, и тотчас скользнул прочь.

Через несколько мгновений он уже прятался за аркой, ведущей в двор с бассейном, высматривая, что делают враги. Они все еще сидели рядом с бассейном, но начали выказывать признаки злобного нетерпения. Из двора, где лежали пленные пираты, доносились их стоны, которые становились громче. Стали раздаваться невнятные проклятия. Конан напряг мускулы и собрался, как пантера перед прыжком, легко дыша сквозь стиснутые зубы.

Гигант в обруче с драгоценностями поднялся, отнял от губ свирель — и в тот же миг Конан одним тигриным прыжком оказался среди ошеломленных черных. Подобно тигру, который прыгает и убивает добычу, Конан прыгнул и ударил мечом: его клинок блеснул трижды, прежде чем кто-либо из черных успел поднять руку в свою защиту. Затем Конан отпрыгнул в сторону и помчался через двор. Позади него остались три черные фигуры с расколотыми черепами.

Однако, хотя его яростное нападение застало гигантов врасплох, те, до кого он не добрался, оправились быстро. Когда он бросился в западную арку, они мчались за ним по пятам. Их

длинные ноги несли их с огромной быстротой. Конан все же был уверен, что при необходимости может их опередить; но не это было его целью. Он намеревался отвлечь их погоней, чтобы дать Санче время растолкать и вооружить зингаранцев.

Оказавшись во дворе за западной аркой, Конан выругался. Этот двор отличался от других, которые он видел. Он был не круглый, а восьмиугольный. Арка, через которую вбежал Конан, была единственным выходом.

Развернувшись, он увидел, что все черные последовали за ним внутрь. Несколько черных загородили выход, а остальные растянулись цепью и приближались к нему. Он медленно отступал к северной стене, держась лицом к ним. Цепь черных изогнулась полукругом, они продвигались вперед, чтобы окружить его. Конан продолжал отступать, но все медленнее и медленнее, следя за расширяющимися промежутками между преследователями. Они боялись, что он попытается прорваться сбоку, в обход полукруга, и все сильнее растягивали линию.

Конан наблюдал со спокойной настороженностью волка. Когда он ударили, это произошло с ошеломляющей внезапностью удара грома. Конан напал на них в самом центре полукруга. Гигант, который преграждал ему путь, рухнул на землю, разрубленный до середины груди. Пират вырвался из смыкающегося кольца прежде чем черные слева и справа от него успели прийти на помощь своему товарищу. Группа, загораживающая выход, приготовилась встретить его с боем. Но Конан не стал нападать на них. Он обернулся и смотрел на преследователей, не проявляя никаких чувств, и уж во всяком случае не проявляя страха.

На этот раз они не стали растягиваться неплотной цепью. Они поняли, что смертельно опасно разделять свои силы против такого противника, который был воплощением ярости, разрывающим врагов на части. Они сгрудились в один отряд и приближались к Конану без лишней спешки, построившись в боевой порядок.

Конан понимал, что если он столкнется с этой массой мускулов, вооруженных когтями, результат может быть только один. Как только он окажется среди них и они смогут добраться до него когтями и использовать преимущество своего веса, даже его первобытная свирепость ему не поможет. Конан посмотрел вверх, на стену, и увидел над одним из углов что-то вроде выступа. Он не знал, что это такое, но оно вполне могло послужить ему. Он начал отступать спиной к этому углу. Гиганты приближались к нему быстрее, чем раньше. Им явно казалось, что это они загоняют его в угол, и Конан сообразил, что они считают его существом низшего порядка, разум которого гораздо ниже их собственного. Что ж, тем лучше. Нет ничего опаснее, чем недооценивать своего противника.

Теперь он находился всего в нескольких ярдах от стены, и черные быстро приближались, явно собираясь зажать его в угол, прежде чем он поймет, что происходит. Группа на выходе покинула свой пост и спешно присоединилась к своим товарищам. Гиганты двигались на полусогнутых ногах, глаза их блестели золотом адского пламени, сверкали белые зубы, руки с когтями были угрожающе вытянуты. Они были готовы к внезапным и диким действиям со стороны своей жертвы, но все же Конан своим движением застал их врасплох.

Конан поднял меч, сделал шаг к ним, тотчас же повернулся и бросился к стене. Стальные мускулы, словно пружина, подбросили его в воздух. Пальцами вытянутой руки он ухватился за выступ. Раздался треск, и выступ подался под его весом. Пират свалился обратно во двор.

Конан упал на спину, и сломал бы ее несмотря на свои могучие мускулы, если бы не ковер травы, смягчившей падение. Тотчас он был на ногах, как огромная кошка, и стоял лицом к врагам. Бесшабашность в его взгляде исчезла. Глаза его сверкали зловещим синим пламенем, черная грива волос встала дыбом, со сжатых губ сорвалось угрожающее ворчание. В один миг смелая игра обернулась схваткой не на жизнь, а на смерть, и дикарская натура Конана отреагировала на перемену со всей первобытной яростью.

Черный, который на миг замерли от неожиданности происшедшего, теперь приготовились наброситься на него. Но тут тишину нарушил громкий вопль. Обернувшись, гиганты увидели под аркой разношерстную толпу пиратов. Моряки пошатывались, как пьяные, и невнятно ругались. Они были обалдевшими и мало что соображали, но вытащили мечи и двинулись вперед с свирепостью, которая ничуть не уменьшилась оттого, что они не вполне понимали, что происходит.

Черные уставились на них в изумлении. Конан испустил дикий крик и бросился на врагов, как разящая молния. Они падали под его клинком, как спелая пшеница. Зингаранцы с яростными воплями побежали, пошатываясь, через двор и напали на гигантов с кровожадным бешенством. Матrosы все еще не пришли в себя окончательно. Они с трудом очнулись от наркотического сна, когда Санча отчаянно тряслася и совала им в руки оружие, и смутно поняли, что она куда-то завет их. Они поняли не все ее слова, но вида незнакомцев и льющейся крови для них было достаточно.

В мгновение ока двор превратился в поле жестокой битвы и вскоре уже напоминал кровавую бойню. Зингаранцы шатались и падали с ног, однако орудовали мечами с силой и умением. Они выкрикивали проклятия и не обращали никакого внимания на раны, кроме смертельных. Их было гораздо больше, чем черных. Но гиганты показали себя далеко не слабыми противниками. Возвышаясь на нападающими, гиганты производили разрушения зубами и когтями, разрывали людям глотки и кулаками наносили удары, которые разбивали черепа. Перемешавшись в беспорядке с врагами, моряки не могли как следует использовать свои быстроту и ловкость, которые составляли их превосходство. Многие еще были такими отупевшими от наркотического сна, что не уклонялись от наносимых им ударов. Они сражались со слепой свирепостью диких зверей, и были слишком заняты тем, что причиняли смерть, чтобы самим избегать ее. Мечи рубили тела черных, как мясницкие ножи. Визг, вопли и проклятия смешались в отвратительный шум.

Санча, прижавшись к стене рядом с аркой, была оглушена шумом и яростью схватки. Перед ее глазами клубился хаос, в котором сверкала сталь, мелькали руки, возникали и пропадали искаженные лица. Тела дерущихся сталкивались, переплетались, налетали друг на друга, смешавшись в безумной, дьявольской пляске боя.

Отдельные детали врезались ей в память, словно выгравированные черным на кровавом фоне. Она видела, как зингаранский моряк, который ничего не видел перед собой, потому что у него была ободрана большая полоса кожи с черепа и свисала ему на глаза, вонзил свой меч по самую рукоять в живот черного гиганта. Она явственно рассыпалася, как заворчал пират, нанося удар, и увидела, как темно-карие глаза жертвы закатились в агонии, когда из вспоротого живота показались внутренности и хлынула кровь. Умирающий черный схватил лезвие голыми руками. Ослепленный моряк тупо пошатывался. Черная рука обхватила его за шею, черное колено с чудовищной силой ударило его в позвоночник. Голова зингаранца откинулась назад под неестественным углом, послышался хруст, различимый даже среди шума битвы, как будто сломали толстую ветку. Победитель отбросил прочь тело своей жертвы, и в этот миг стальной клинок молнией сверкнул позади него слева направо и снес ему голову. Черный пошатнулся, голова покатилась ему на грудь, а оттуда на землю. Это было чудовищно.

Санче стало плохо. Она зажала себе рот, к горлу подступала рвота. Она попыталась отвернуться и убраться прочь от страшного зрелища, но ноги не слушались ее. Глаза она тоже не могла закрыть. Наоборот, она открыла их еще шире. Она была потрясена, чувствовала отвращение, ей было дурно, и в то же время она ощущала какое-то ужасное возбуждение, как всегда при виде крови. Однако эта битва превосходила все те сражения, которые ей довелось видеть, сражения, которые велись между людьми в набегах на порты или нападениях на корабли.

И тут она увидела Конана.

Отделенного от своих товарищей всей группой врагов, Конана окружили черной волной рук и тел и столкнули вниз. Они бы быстро вышибли из него дух, но он ухитрился увлечь одного из них за собой, и тело черного послужило пирату защитой. Гиганты рвали когтями своего товарища, пытаясь добраться до бараща, но Конан отчаянно вцепился зубами в горло умирающего черного и изо всех сил прижимал к себе его, как щит.

Нападение зингаранцев ослабило натиск. Конан отбросил труп и поднялся во весь рост — залитый кровью с головы до ног, ужасный. Гиганты возвышались над ним как огромные черные тени, размахивая руками, хватая и нанося чудовищные удары. Но Конана было так же сложно схватить или ударить, как обезумевшую от драки пантеру. Каждый удар его разящего меча проливал кровь черных. Ему уже досталось столько, что это убило бы троих обычных людей, но жизненная сила могучего варвара ничуть не уменьшилась.

Боевой крик Конана разнесся над полем кровавой схватки, и ошеломленные, но полные ярости зингаранцы удвоили свои усилия, так что крики боли и проклятия почти потонули в звуках ударов мечей, рассекающих плоть и кости.

Черные пошатнулись и бросились к выходу. Санча при виде их завизжала и поспешила убраться с дороги. Черные ринулись в узкую арку все одновременно. Зингаранцы рубили последних, всаживая мечи им в спины с криками ликования. Столпотворение по аркой превратилось в кровавое побоище. Те из гигантов, кто выжил, прорвались и бросились бежать, каждый сам по себе.

Схватка превратилась в погоню. Гиганты убегали по заросшим травой дворам, по сверкающим лестницам, по наклонным крышам фантастических башен, даже по широкому верху стен. Они истекали кровью, а безжалостные преследователи гнались за ними по пятам, как волки. Некоторые из них, загнанные в угол, сами набрасывались на моряков, и прикончили еще нескольких пиратов. Но в конце концов результат был всегда один и тот же: изрубленное черное тело валялось на траву или падало, корчась, с парapета или крыши башни.

Санча укрылась во дворе с бассейном и пряталась там, дрожа от ужаса. Вдруг снаружи раздался жуткий вопль, послышался топот и через арку во двор вбежал окровавленный черный гигант. Это был тот из них, на голове которого был обруч с драгоценными камнями. Коренастый преследователь бежал за ним по пятам. Черный обернулся у самого края бассейна. Доведенный до крайности, он подобрал меч, брошенный каким-то умирающим моряком, и, когда зингаранец сломя голову бросился на него, черный встретил его незнакомым оружием. Пират упал с проломленным черепом. Но сила удара была так велика, что клинок в руке последнего живого гиганта сломался.

Он бросил рукоять в толпящихся под аркой пиратов и повернулся к бассейну. Его лицо, искаленное ненавистью, застыло, как чудовищная маска. В это время Конан прорвался сквозь толпу пиратов и бешено рванулся к черному.

Гигант широко раскинул руки, и с его губ сорвался нечеловеческий крик

— единственный звук, который люди услышали от черных за все время битвы. Он завывал, изливая небесам свою ненависть. Голос его был подобен вою из бездны. Зингаранцы замерли в нерешительности. Только Конан не остановился. Молча он взмахнул своим смертоносным мечом, намереваясь сразить черную фигуру, застывшую у края бассейна.

Но в тот самый миг, когда его окровавленный меч блеснул в воздухе, гигант подпрыгнул высоко в воздух. На долю мгновения он, казалось, завис в воздухе над бассейном. Затем с ревом, потрясшим землю, зеленые воды поднялись, устремились ему навстречу, подобно извержению зеленого вулкана, и окутали его целиком.

Конан прервал свой стремительный прыжок как раз вовремя, чтобы не угодить в бассейн, и

отпрыгнул назад, отгоняя подальше своих людей могучими взмахами рук. Зеленый бассейн превратился в настоящий гейзер. С оглушительным шумом зеленый столб воды извергался вверх, увенчанный огромной шапкой пены.

Конан подталкивал пиратов к арке, как стадо овец. Он держал меч плашмя и подгонял их мечом. Рев воды, казалось, вверг их в совершенное ошеломление. Конан увидел, что Санча стоит, словно парализованная, и широко открытыми от ужаса глазами смотрит на бурлящий столб. Он окликнул ее громовым ревом, который перекрыл грохот воды и вывел ее из оцепенения. Девушка побежала к нему, протягивая руки. Конан подхватил ее подмышку и выбежал из двора.

Те матросы, которые остались в живых, столпились во дворе, из которого арка вела во внешний мир. Люди были измученными, израненными, все в крови, в изодранной одежде. Они стояли, тупо уставившись на огромную колеблющуюся колонну воды, которая в один миг выросла, казалось, до самых небес. Зеленый водяной столб увенчан белой шапкой пены, которая была в три раза шире основания. Казалось, что колонна вот-вот разбрызгается и упадет вниз водопадом, но она продолжала расти все выше и выше.

Конан окинул взглядом жалкий отряд окровавленных, изодранных пиратов, и выругался. Их было не больше двух десятков. Положение было слишком серьезным, чтобы думать о вежливости. Он схватил за шиворот ближайшего пирата и встряхнул его так сильно, что кровь из ран матроса забрызгала всех вокруг.

— Где остальные? — проревел Конан своей жертве в самое ухо.

— Это все! — крикнул тот в ответ, перекрывая грохот гейзера. — Остальных перебили эти черные...

— Ладно, давайте убираться отсюда! — взревел Конан и грубо толкнул зингаранца к выходу. — Фонтан вот-вот рухнет!

— Мы все утонем! — завопил моряк, хромая к арке.

— Черта с два утонем! — рявкнул Конан. — Мы превратимся в куски окаменевшей кости. Убирайтесь отсюда, будьте вы прокляты!

Он бросился к выходу, посматривая одним глазом на зеленую исполинскую башню воды, которая возвышалась над ними, а другим глазом на едва плетущихся пиратов. Ошеломленные кровавым сражением, оглушенные чудовищным грохотом воды, некоторые из них двигались, как в трансе. Конан подгонял их очень простым способом. Он хватал отстающих за шиворот и с силой толкал их к арке, а там поддавал им под зад, сопровождая пинок ругательствами в адрес их предков. Санча хотела было остатся с ним, но он оттолкнул ее руки, которые она пыталась обвить вокруг него и, выругавшись, отвесил ей шлепок по заднице, который отправил ее через плато.

Конан убедился, что все из его людей, которые остались в живых, покинули замок, только тогда пересек поросший травой двор. Обернувшись, он бросил взгляд на ревущую колонну, которая возвышалась над замком, по сравнению с которой башни казались крошечными. Конан последним выбежал наружу и покинул замок неописуемых ужасов.

Зингаранцы уже пересекли плато и спускались вниз по склонам. Санча ждала его на верхушке первого холма, который следовал за плато. Конан остановился на миг, чтобыбросить взгляд на замок. Как будто исполинский цветок с зеленым стеблем и белым венчиком распустился над башнями. Рев наполнял воздух. Затем нефритово-зеленая, отороченная белым колонна подломилась с таким грохотом, словно раскололись небеса, и гремящий поток поглотил стены и башни.

Конан схватил девушку за руку и побежал. Холм за холмом вздымались перед ними, а позади шумела и грохотала вода. Конан бросил быстрый взгляд через плечо и увидел, как широкая зеленая лента поднимается и спускается, захлестывая холмы. Поток не разлился и не

иссяк; подобно гигантской змее он спускался в низины и взбирался на холмы, не меняя направления. Он преследовал их!

Когда Конан понял это, он удвоил усилия, хотя это и было настоящим подвигом. Санча споткнулась и упала на колени со стоном отчаяния. Ее силы исчерпались. Конан поднял ее, перебросил через могучее плечо и побежал. Грудь его тяжело вздыхалась, ноги дрожали, воздух со свистом вырывался сквозь стиснутые зубы. На бегу Конан огляделся. Впереди него изо всех сил бежали матросы, подгоняемые ужасом.

Внезапно его взгляду открылся океан. Все прыгало у Конана перед глазами. Он увидел «Негодяя», корабль был в порядке. Пираты как попало попрыгали в лодки. Санча упала на дно и беспомощно лежала там, не в силах подняться. Конан, хотя в ушах его шумела кровь, а перед глазами стоял красный туман, схватился за весло вместе с задыхающимися моряками.

Сердца были готовы выпрыгнуть у них из груди от изнеможения. Они отчаянно гребли на корабль. Зеленая река показалась из-за деревьев. Деревья на ее пути падали, как подрубленные. Они погружались в жидкость цвета нефрита и исчезали. Поток выплеснулся на песчаный берег, устремился в океан, и зелень океанских вод приобрела более глубокий и зловещий зеленый оттенок.

Нерассуждающий, инстинктивный страх завладел пиратами. Они напрягали свои измученные тела и затуманенные рассудки, выжимая из них последние силы. Они не знали, что из себя представляет то, чего они боятся, но они чувствовали в этой отвратительной зеленой струе опасность для тела и души. Зато Конан в точности знал, чем грозит зеленая река. Он видел, как она разрезает волны и преследует их, не меняя формы и курса, и он призвал последние силы, которые были у него в запасе. Он греб так яростно, что весло сломалось у него в руках.

Но тут лодки уткнулись в борт «Негодяя», и матросы полезли вверх по снастям, бросив лодки на произвол судьбы. Санчу внес на борт корабля Конан на своем широком плече. Девушка свисала, как труп. Барашец без церемоний сбросил ее на палубу и взялся за руль, выкрикивая приказания своим жалким остаткам команды.

Все это время он командовал ими, и все инстинктивно подчинялись ему. Они пошатывались как пьяные и механически возились со снастями и такелажем. Якорная цепь, не выбранная на палубу, хлопала по воде. Паруса развернулись и наполнились ветром. «Негодяй» дрогнул, встряхнулся и величественно повернул в море. Конан взглянул в сторону берега. Словно язык изумрудного пламени, зеленая лента тщетно лизала воду на расстоянии длины весла от киля «Негодяя». Она больше не приближалась. Конан перевел взгляд с застывшего зеленого потока на белый песчаный берег, затем на холмы, которые терялись в голубой дымке расстояния.

К барашку вернулась уверенность в себе. Он ухмыльнулся тяжело дышащей команде. Санча стояла рядом с ним, истерические слезы бежали у нее по щекам. Шаровары Конана были изодраны в клочья и пропитаны кровью, пояс и ножны пропали. Лезвие меча, который он воткнул в палубу перед собой, было покрыто пятнами крови. От крови слиплась его грива черных волос, и одно ухо было разорвано. Руки, ноги, грудь и плечи пирата были изодраны, как будто он дрался с пантерами. Но он ухмылялся, прочно упираясь в палубу мощными ногами и поворачивая руль, радуясь избытку могучих сил.

— Что теперь? — нерешительно пробормотала девушка.

— Пиратство на морях! — расхохотался он. — Команда ничтожеств, и те изодраны в клочья, но они вполне способны управиться с кораблем, а в любом порту мы найдем новых матросов. Иди сюда, девочка, и поцелуй меня!

— Поцеловать? — истерически воскликнула она. — Ты можешь в такой момент думать о поцелуях?

Его смех прозвучал громче хлопанья парусов. Он подхватил девушку с палубы одной

могучей рукой, привлек ее к себе и со вкусом поцеловал в яркие губы.

— Я думаю о Жизни! — взревел он. — Мертвые мертвы, а что было — то прошло. У меня есть корабль, и команда бойцов, и девушка с губами как вино

— а больше мне ничего и не нужно. Залижите ваши раны, драчуны, и давайте выпьем эля! Вам придется поработать на этом корабле так, как вы никогда не работали до сих пор. Танцуйте, пейте, черт вас побери, и веселей беритесь за дело. Ко всем чертям пустые моря! Мы направляемся в моря, где порты богаты, а торговые корабли битком набиты добычей!